

— Императорский дворец прислал кого-нибудь? Сказали, когда нужно будет войти во дворец?
— Хуа Маньлоу, в отличие от Лу Сяофэна, мог смело войти во дворец, но он всегда соблюдал необходимые церемонии. Это не было вопросом ценностей, просто привычка.

Услышав вопрос о входе во дворец, Хуа Пин изменился в лице, бросил взгляд на Лу Сяофэна и, отведя Хуа Маньлоу в сторону, зашептал:

— Молодой господин, что происходит между вами и великим мастером Лу? Второй господин прислал письмо, что в эти дни вы должны переехать в дом старшего господина.

Хуа Маньлоу нахмурился:

— Вещи уже собраны?

Он знал, как быстро работает его второй брат, и если тот принял решение без обсуждения, это говорило о его решимости.

— Уже собраны. Письмо от второго господина пришло вчера, и люди от старшего господина уже были здесь. — Хуа Пин смутно чувствовал, что между ними что-то происходит, но не решался думать об этом. Ах, этот невинный слуга!

Хуа Маньлоу замолчал, но по его выражению лица было видно, как он разозлен.

На самом деле жить здесь или в доме старшего брата не имело значения, но упрямство второго брата заставляло его беспокоиться. Он не хотел, чтобы тот человек страдал из-за него. С самого начала он считал, что чувства не должны становиться обузой. Если из-за его чувств этот человек будет подвергаться преследованиям со стороны его семьи, это будет хуже, чем если бы это происходило с ним самим.

— Жить у твоего старшего брата тоже неплохо. — Лу Сяофэн, наблюдая за сменой его выражения, понял, что он снова задумался, и поспешил подойти. — Твой старший брат служит при дворе, жить у него будет удобнее для входа во дворец.

Хуа Маньлоу продолжал молчать, сжав ручку веера.

— Хуа Пин, быстрее, выведи лошадь. Мы поедем к твоему старшему господину, как раз успеем к обеду. — Лу Сяофэн подмигнул Хуа Пину, и тот поспешил выполнить приказ.

— Это недалеко, зачем лошадь? Можно дойти пешком. — Хуа Маньлоу остановил Хуа Пина и направился к выходу из переулка.

— Тогда не нужно выводить лошадь! — Лу Сяофэн, всегда готовый подыграть, без лишних слов снова вернул Хуа Пина и последовал за Хуа Маньлоу.

Они вышли из переулка, прошли через оживленную улицу и свернули в другой переулок, где находился дом старшего господина Хуа.

На самом деле старший и второй господин Хуа еще не были женаты, но жили отдельно, так как отношения между чиновниками и купцами всегда были сложными, и дистанцироваться было необходимо.

Только что они прошли через короткую улицу, где стояла столетняя ива, разделяя Восточный город на две части: одну для богатых, другую для знати. Как бы там ни было, все жили так по

традиции.

— Седьмой молодой господин, старший господин еще не вернулся из дворца. Он сказал, что когда вы и великий мастер Лу вернетесь, можете сразу идти во дворец. — Дверь открыл старый управляющий, который служил старшему господину Хуа с детства. Он выглядел очень умным, совсем не похожим на того, кто мог бы воспитать такого спокойного и мудрого старшего господина, скорее на того, кто учил второго господина.

Лу Сяофэн, видя, что Хуа Маньлоу все еще не в духе, даже не стал заходить в дом, а просто толкнул Хуа Пина внутрь и повел своего господина прямо в «Вкушая Небеса».

Скоро будет Новый год, и многие богатые семьи уже заказывали новогодние ужины. Хозяин Чэнь был настолько занят, что его семья чуть ли не привязывала его, чтобы он вернулся домой. Но сегодня он не был на кухне, а сидел в отдельной комнате с гостем, потому что этот гость был сложнее любого богача.

— Посмотрите, это жаркое настолько старое, что зубы можно сломать! А этот жареный побег тофу, почему он такой черный? О, это мясо в форме слитка, больше похоже на железный брусок...

Человек с черной повязкой на голове, в сером халате с фиолетовой отделкой, ноги в черных сапогах до икр, но не на полу, а на скамье, занимал половину стола. Он не был похож на столичного щеголя, скорее на странствующего рыцаря из песчаных бурь, сидящего там с энергией и легкостью.

Но если его внешний вид был непринужденным, его слова не приносили утешения.

— Сделать для тебя целый стол — это уже любезность, а ты еще придираешься. Если уж на то пошло, иди в императорский дворец и укради что-нибудь, чтобы попробовать тюремную еду Управления божественных сыщиков. Там тебе понравится.

Чэнь Сю, одиноко сидя за столом, не обращал на это внимания.

Обезьяны в этом мире встречаются часто, но обезьяньи духи редки, и только один может так уверенно указывать в «Вкушая Небеса» — это Король воров Сыкун Чжайсин.

— Не говори мне об Управлении божественных сыщиков! — Лицо Сыкун Чжайсина, размером с ладонь, помрачнело, и он с хрустом прожевал сельдерей. — У меня с ними счеты!

— Разве ты не гонялся за Дао У? Почему теперь говоришь, что у тебя с ними счеты? — Чэнь Сю заинтересовался, отложил чашку и сложил руки на столе, готовясь выслушать.

Сыкун, услышав это, серьезно опустил ноги и приготовился подробно рассказать о злодеяниях этого проклятого сыщика, но не успел открыть рот, как дверь распахнулась.

— Эй, внизу уже почувствовал твой запах, старый обезьян. Ты действительно появился!

Говорил, конечно, Лу Сяофэн. Какое там приглашение императора, главное — развеселить Хуа Маньлоу. Только что войдя, он услышал, что обезьяний дух вернулся, и это было как нельзя кстати. Подразнить его, чтобы он сам себя укусил за хвост, и Хуа Маньлоу обязательно посмеется.

— Лу Сяоцзи! — Сыкун вскочил, уперся руками в бока и закричал. — Ну ты, Лу Сяоцзи, как ты

мог с этим проклятым сыщиком сговориться против меня? Заставил меня зимой бегать на северо-восток мучиться. Сегодня я с тобой рассчитаюсь!

Чэнь Сю, увидев их, обрадовался, но, заметив, что за ними больше никого нет, его улыбка потухла. Он с трудом выдавил улыбку и пригласил их сесть.

Лу Сяофэн, поняв свои чувства, вдруг овладел новым навыком. Например, сейчас он сразу понял, что происходит с хозяином Чэнь. Не всем так повезло, как ему, и неразделенная любовь в конце концов приносит только страдания.

— Сыкун, ты тоже сегодня вернулся? — Увидев старого друга, Хуа Маньлоу действительно стал чувствовать себя лучше.

Сыкун Чжайсин, продолжая злобно смотреть на Лу Сяофэна, ответил Хуа Маньлоу:

— Вчера вернулся в столицу. Зашел к тебе, но тебя не было, вот и пришел сюда.

Лу Сяофэн сел рядом с Хуа Маньлоу, напротив Сыкуна, и начал чистить арахис:

— Эй, ты действительно пошел к Снежной Бабушке на северо-восток? Какое из слов Дао У было правдой? Ты действительно позоришь обезьяний мир.

Вот что значит переложить вину!

— Ты...! — Сыкун чуть не вскочил на скамью, но потом опустил ногу и рассмеялся, глядя на Лу Сяофэна, что заставило всех похолодеть.

— Что случилось? — Лу Сяофэн, практикующий «Палец Линси», мастерски чистил арахис.

Его движения были настолько быстрыми, что на столе уже была куча скорлупы, а в руках — горсть очищенных орешков. Он бросил в рот два не самых крупных, а остальные положил в маленькую тарелку перед Хуа Маньлоу.

Сыкун Чжайсин не заметил этого, закончил смеяться и вздохнул, продолжая есть:

— Эх, я не тороплюсь мстить. В этот раз кто-то поможет, я просто воспользуюсь ситуацией и посмотрю, как все закончится!

В его словах был скрытый смысл, явно направленный на Лу Сяофэна. Но главный герой, только что вернувшийся из Шучжуна, не мог понять, о чем идет речь.

— Кстати... — Чэнь Сю, выпив три чашки, покраснел и вдруг сказал:

— Сыкун, ты говоришь о прибытии семьи Мо из Интяньфу в столицу?

Сыкун Чжайсин поднял чашку в его сторону — поздравляю, ты угадал!

Лу Сяофэн, закончив чистить арахис, начал чистить каштаны и, услышав это, уронил один на пол. Три пары глаз, две из которых смотрели с насмешкой...

Дело не в том, что дом Мо был настолько могущественным, что мог заставить великого мастера Лу измениться в лице, а в том, что в доме Мо была дочь Мо Фэнъю, которая была в расцвете лет, обладала не только красотой, но и талантом, с детства занималась боевыми искусствами и была настоящей героиней. У нее в мире было много последователей, которые крутились вокруг

ее дома, надеясь заслужить ее благосклонность.

Но с прошлого года Фэнъю заявила, что у нее уже есть возлюбленный, и она не выйдет замуж ни за кого, кроме Лу Сяофэна.

<http://bllate.org/book/16229/1458527>